

Коллаборационизм на оккупированных территориях Ленинградской области в 1941–1944 гг.

© В.Н. Банников

Московский городской педагогический университет, Москва, 129226, Россия

Рассмотрены актуальные проблемы, связанные с вопросом сотрудничества населения оккупированных территорий Ленинградской области и немцев в 1941–1944 гг. Исследованы делопроизводственные материалы (документы немецких оккупационных властей и акты районных комиссий по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков) и источники личного происхождения (дневники и воспоминания свидетелей немецкой оккупации, интервью с ними). Проанализированы работы историков, занимавшихся изучением проблематики данной статьи — Б.Н. Ковалева, Н.С. Ломагина. Методология исследования основана на принципах историзма и объективности. Описательно-повествовательный метод позволил определить причинно-следственные связи поведения жителей оккупированных территорий Ленинградской области, перехода их на службу к немцам. Принцип системности позволил обобщить имеющийся материал и представить полную картину коллаборационизма населения оккупированных территорий Ленинградской области в 1941–1944 гг. Публикация приурочена к 80-летней годовщине Победы в Великой Отечественной войне и может использоваться в области сохранения исторической памяти об одном из самых трагических и важнейших событий в истории нашей страны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупация Ленинградской области, коллаборационизм, «власовцы»

В 2025 г. в Российской Федерации было отмечено 80-летие Победы в Великой Отечественной войне. В стране активно проводится политика по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне не только как о целостном явлении и периоде, но и как о совокупности отдельных событий и процессов. Среди последних изучается коллаборационизм на оккупированных территориях СССР. Ленинградская область не стала исключением. В период немецкой оккупации региона некоторые советские граждане по тем или иным причинам переходили на службу к немцам.

Необходимо отметить, что тема коллаборационизма советских граждан по политическим и идеологическим мотивам не была востребована у историков в советский период. Снятие идеологических рамок и партийного контроля, рассекречивание архивов после распада СССР придали новый импульс современной российской исторической науке в изучении коллаборационизма на территории Ленинградской области.

Коллаборационизму на оккупированных территориях СССР, в том числе в Ленинградской области, посвящены монографии российского историка Б.Н. Ковалева «Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944» [1] и «Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации» [2]. В данных работах Ковалев исследует, на каких должностях служили переходившие к немцам советские граждане, какими правами и обязанностями они обладали.

Большую роль в исследовании коллаборационизма и становления партизанского и подпольного движения на оккупированных территориях Ленинградской области сыграл один из ведущих российских историков в области изучения блокады Ленинграда и оккупации Ленинградской области Н.А. Ломагин. В монографии «Неизвестная блокада» [3] Ломагин рассматривает дискуссионные вопросы не только истории блокады Ленинграда, но и оккупации Ленинградской области, например, проблемы в организации партизанского и подпольного движения, внутреннюю и идеологическую политику немцев, побуждавшую население переходить на сторону немцев или занимать лояльную к ним позицию. Источниковая база исследования Ломагина достаточно обширна. Автор помимо источников личного происхождения использует документы немецких оккупационных властей, хранящиеся в архивах США, и документы из архивов ФСБ РФ.

Исследование имеет несколько целей. Во-первых, проанализировать причины, побуждавшие население становиться коллаборантами. Во-вторых, выяснить, какие должности занимали коллаборанты, в чем заключались их задачи и какие преференции они имели.

Источниковой базой исследования послужили делопроизводственные документы и источники личного происхождения. Делопроизводственные документы можно разделить на документы из архивов и опубликованные в тематических сборниках. Большое количество документов, связанных с темой исследования, хранится в Санкт-Петербургских архивах. Например, в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга находятся документы немецких оккупационных властей, содержащие информацию о деятельности русских коллаборационистов, в частности приказы и распоряжения местных комендатур [4]. Многие документы опубликованы в тематических сборниках.

Значительный массив информации о сотрудничестве жителей оккупированных территорий Ленинградской области с немецкими захватчиками содержат источники личного происхождения. В первую очередь это воспоминания свидетелей оккупации [5]. Делились воспоминаниями не только местные жители, но и сами коллаборанты. Русский офицер Абвера Дмитрий Каров, занимавшийся вербовкой агентов на оккупированных территориях Ленинградской области,

оставил воспоминания, позволяющие выяснить мотивацию людей, становящихся агентами немцев [6]. Шеф немецкой полиции в оккупированном Новгороде Борис Филиппов в эмиграции написал воспоминания, также позволяющие прояснить природу русских коллаборантов [7]. Информацию о коллаборационизме имели участники партизанского движения в регионе [8].

Необходимо уточнить, что территория Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны была существенно шире, чем территория современного субъекта Российской Федерации. Тогда в состав Ленинградской области входили территории современных Новгородской и Псковской областей, которые были выделены в отдельные субъекты уже после деоккупации Ленинградской области.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г.) до окончания Ленинградско-Новгородской операции, в ходе которой территория Ленинградской области была деоккупирована (март 1944 г.).

Оккупация Ленинградской области началась в июле 1941 г. с захвата немцами городов Остров и Псков. К осени 1941 г. большая часть Ленинградской области была оккупирована немцами (из 72 районов, входящих в состав области, 51 район был занят полностью, 12 районов частично). На оккупированных территориях создавались новые органы управления. Немцы прекрасно осознавали, что для успешного руководства территориями им не обойтись без помощи местного населения, которое понимало условия жизни советских граждан, их культуру, менталитет и традиции.

Существовало несколько причин, мотивировавших население сотрудничать с немецкой администрацией. Первая причина — это политические и идеологические мотивы. Среди коллаборантов было множество людей, идеологически не принимавших советскую власть и коммунистическую идеологию. Часть из них имела личные счеты с советским строем. Например, многие коллаборанты в предвоенное время были репрессированы.

Нацистская пропаганда, заявлявшая, что война с СССР нужна для освобождения народов Советского Союза от ига «жидо-большевизма», соответствовала политическим представлениям этих людей о будущем устройстве страны. Идейная антисоветчица Лидия Осипова, встретившая немецкую оккупацию в городе Пушкин, с радостью отзывалась о нападении Германии на СССР. На страницах своего дневника она выражала надежду, что после окончания войны советские граждане будут жить и без большевиков, и без немцев [9, с. 65].

Дмитрий Каров по роду своей деятельности хорошо понимал мотивацию шедших к нему работать советских граждан. По его мнению, это было желание отомстить советской власти. Он выделял две категории желавших сотрудничать с немцами людей. К первой

категории относились граждане, имевшие личные мотивы. Это были люди, которые до войны прошли через репрессии. По словам Карова, данная категория граждан обладала рефлексией о совершаемом ими выборе. Он писал: «Понимая всю ужасную и преступную политику Гитлера, они все же верили, что немцы опомнятся. “Ведь не такие же они все-таки дураки”, — говорили они. Помимо этого, переходя фронт на советскую сторону, они смутно надеялись найти в России какие-то перемены к лучшему. Это были вообще люди, близкие к отчаянию и старающиеся забыться на опасном деле. Их часто мучал вопрос, правильно ли они поступают» [6, с. 402]. Ко второй категории относились граждане, переходившие на сторону немцев по гораздо более бытовым причинам: желавшие выжить, любители острых ощущений. По мнению Карова, обе категории объединяла ненависть к советской власти [6, с. 402, 403].

Идейные коллаборанты рассчитывали, что после того как немцы победят большевиков, уже бывшие советские граждане изгонят немцев. Другим вариантом для них являлась ситуация, при которой советскому государству удастся устоять и разгромить немцев, но в итоге советская власть будет ослаблена настолько сильно, что советским гражданам удастся свергнуть и ее [6, с. 391].

Серьезной мотивацией для перехода на сторону немцев служил религиозный вопрос. Годы «безбожных пятилеток» и антирелигиозной пропаганды не принесли советской власти должного результата. Религия продолжала оставаться важным элементом мировоззрения советских граждан. Более того, закрытие и уничтожение храмов, репрессии против священнослужителей, продажа церковного имущества за границу, антирелигиозная пропаганда, сопровождавшаяся демонстрацией мощей святых и карикатурами на религию, отталкивали верующее население от советской власти.

Немцы были осведомлены о религиозной ситуации в СССР. Они использовали религию как инструмент пропаганды и демонстрации преимущества нацистского режима над большевистским. Во время оккупации на занятых немцами территориях Ленинградской области происходило оживление религиозной жизни: открывались новые храмы, отмечались религиозные праздники. О масштабах данной политики можно судить исходя из данных о количестве открытых новых храмов во время немецкой оккупации. До оккупации на занятых немцами территориях (не считая Псковского, Палкинского и Островского районов) действовало 5 храмов, после оккупации — 168 церквей и 2 католических костела. Увеличилось количество священнослужителей. Если в июле 1941 г. на ряд городов и уездов было всего пять священнослужителей, то после оккупации, в 1942 г. их количество достигло 81 человека [3, с. 421, 422].

Увеличение штата священнослужителей происходило за счет репрессированных до войны священников, готовых работать на немцев. Например, в Волосовском районе в новых храмах работали священники М.И. Никитин — бывший кулак, раскулаченный в период коллективизации, и А.Г. Георгиевский, осужденный в 1938 г. за антисоветскую деятельность. В селе Погост-Михайловское настоятелем храма работал С.А. Макаренко, дважды осужденный за антисоветскую деятельность в период с 1933 по 1941 г. [3, с. 420].

Коллаборанты, для которых религиозный вопрос также был важен, как и идеология с политикой, надеялись, что немцы освободят их не только от большевиков, но и от религиозных ограничений. Борис Филиппов в своих воспоминаниях описывал такого человека, который на встрече с немцами уверял их, что единственное, что нужно русским людям от немцев, это свобода вероисповедования [7, с. 147].

Второй причиной, мотивировавшей население переходить на службу к немцам, были корысть, желание выжить и отомстить советской власти, своим согражданам и землякам за неудавшуюся жизнь до войны.

С одной стороны, работа на оккупантов сулила опасность для коллаборантов со стороны партизан, советского подполья и самих немцев, которые могли убить в случае малейшего подозрения в нелояльности, с другой — коллаборанты получали жалованье, повышенный паек и улучшенные условия жилья. Они часто пользовались своим служебным положением для повышения благосостояния. Например, староста деревни Каушты Красногвардейского района Иришков своровал из выделенных ему для пропитания населения 250 кг ржи и 1600 кг картофеля — 25 кг и 175 кг соответственно [10, с. 3].

Лидия Осипова следующим образом описывала встречу с бургомистром (главой) своего города: «В гостях был городской голова со своей женой. Он — доцент Молочного института. Жена его очень милая. Было еще какое-то начальство. Они знают всех немцев, стоящих в городе, имеют с ними связи и этой связью пользуются. А населению они, конечно, не помогают нисколько. Хорошо, что хоть сами не грабят этого населения. То есть, конечно, подворовывают, но умеренно. Мы живем совершенно отрезанными от всего этого мира. Знаем только то население, которое обворовывают, а не то, которое обворовывает» [9, с. 110].

Один из бургомистров Новгорода Федор Морозов был обвинен своими подчиненными в злоупотреблении служебным положением, незаконном обогащении и «разложении в быту». Последнее стало причиной гибели Морозова. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, он повздорил с испанским солдатом. Тот в ответ застрелил бургомистра [2, с. 20].

Коллаборанты занимали разные должности в немецкой администрации. Одной из самых высоких должностей были наместники немцев в селах и деревнях — старосты и в городах — бургомистры. Довольно часто на этих должностях находились люди алчные, жадные и жестокие, стремившиеся выслужиться перед немцами.

Одна из жительниц деревни Пахомовка вспоминала о старосте Александре Данилове — колхознике, сбежавшем из армии. Он добровольно предложил свои услуги. Он показывал немцам, где живут родственники коммунистов. По воспоминаниям жительницы, Александр Данилов так рьяно работал на нацистов, что в благодарность его поставили старшиной над шестнадцатью деревнями Сойкинского уезда [5, с. 60]. Жительница деревни Подкино Н.Д. Исакова вспоминала: «Старостой стал Григорий Злотный, нехороший человек. Стремясь выслужиться перед новыми хозяевами, доносил на каждого замеченного в нелояльном к новой власти поступке» [5, с. 28]. Дмитрий Каров давал следующую характеристику бургомистрам подконтрольного ему района: «Все они были люди пожилые, верующие в Бога, в большинстве своем староверы. При советской власти они подвергались преследованиям и сидели в тюрьмах. Двое из них побывали в ссылке» [6, с. 390].

Старосты и бургомистры должны были следить за проявлением антинемецких настроений, собирать налоги и выполнять прочие экономические и хозяйственные задачи для немцев. Помимо этого старосты осуществляли функции учета местного населения, особенно мужчин, для их дальнейшего привлечения на принудительные работы, отправку в Германию и т. д.

Например, Волосовская комендатура в феврале 1942 г. обязывала старост организовать сбор 10 пар валенок с каждого колхоза и одной пары валенок с каждой семьи [4, л. 27]. В одном из приказов для старосты деревни Молосковицы было указано, что он должен мобилизовать на работу всех лиц старше 15 лет, не имеющие работы в колхозах и совхозах должны были отправиться на лесозаготовки [4, л. 33].

Как уже было отмечено выше, надзорные функции старосты заключались в слежке за населением и донесении на нелояльных и поддерживающих партизан и подполье граждан. Многие старосты, ненавидящие советскую власть, активно сдавали и наказывали людей, подозреваемых в нелояльности. Староста деревни Пантелеевичи Оредежского района Гавриил Богданов сдал немцам детей, своровавших у немцев фонарик и другие мелочи. Впоследствии этих детей расстреляли [11, с. 224].

Участник партизанского движения на территории Ленинградской области М.Г. Абрамов описывал старосту деревни Поддорье Василия

Баранова как «горького пьяницу и вора». Баранов вместе со своей женой активно сотрудничали с немцами, выдавали им родственников красноармейцев, коммунистов и евреев. Баранов лично составлял расстрельные списки. Абрамов писал: «Баранову мало было чина сельского старосты. Он хотел выглядеть в глазах односельчан “верховным правителем” Поддоря, внушать одним появлением своим страх и трепет, и Баранов вымолил у немцев оружие и форму, принял важный вид» [8, с. 40, 41].

В функции старост и бургомистров входило ведение активной пропагандистской деятельности. Свидетельница нацистской оккупации из Кингисеппского района Е.Н. Филатова вспоминала: «Староста вначале вел себя более или менее прилично, потом стал вести такую пропаганду, что скоро все наши города падут — и Москва, и Ленинград, и весь Советский Союз. У нас была семья ярого коммуниста. Его дочка остановила старосту и сказала, что об этом еще рано говорить. — Ничуть не рано! — оборвал староста и донес на нее немцам» [5, с. 60]. В Волосовском районе местная комендатура предписывала бургомистрам следить за качеством вывешенных пропагандистских плакатов и знакомить население с их содержанием [4, л. 63].

Не менее важную роль среди коллаборантов играли переводчики. Немцы остро нуждались в людях, знающих немецкий язык хотя бы на минимальном уровне. Переводчики становились связующим звеном между оккупантами и местным населением. Очень быстро они осознали свою ценность и возможности, которые перед ними открывались. Многие переводчики из числа недобросовестных граждан стали требовать с населения деньги или другие материальные вещи за решение необходимого вопроса в немецкой администрации. При этом в случае отказа платить переводчики угрожали людям, что будут переводить немцам «не так», тем самым навлекая их гнев.

Дмитрий Каров упоминал об известном ему случае, когда переводчик скупал у населения землю, угрожая людям в случае отказа от продажи написать донос немцам. Более того, деньги этот человек не платил, заставляя людей подписывать фиктивные документы о совершении сделки [6, с. 395, 396].

Упоминает о сущности недобросовестных переводчиков Лидия Осипова: «Переводчики — сила, и большая. Большинство из них — страшная сволочь, которая только дорожит своим пайком и старается сорвать с населения все, что только возможно, а часто даже и то, что невозможно. А население целиком у них в руках. Придет человек в комендатуру по какому-нибудь делу, которое часто означает почти жизнь или смерть для него, а переводчик переводит все, что хочет и как хочет. И всегда бывает так, что комендант требует от него невозможных взяток. А взятки даются тоже через переводчиков. Все они вымогатели и ползают на брюхах перед немцами» [9, с. 92].

Силовую поддержку немецкому оккупационному режиму на территории Ленинградской области оказывали коллаборанты из числа немецкой агентуры, полицейских, карательных отрядов. Агентура занималась сбором сведений о настроениях населения, выявляла партизан и подпольщиков и занималась их физическим уничтожением. В задачи полиции входила охрана общественного порядка, контроль над населением во время принудительных работ, борьба с советским подпольем. Помимо этого, «полицаи» (так стали в народе называть полицейских) должны были помогать старостам и бургомистрам в распространении приказов, пропагандистских листовок и плакатов [1, с. 118].

Полицейские подчинялись областному бургомистру. Полицейская служба была весьма популярна у населения из-за льгот и преференций, которые она сулила. Полицейские получали немецкий паек второй категории (тыловой паек). Участникам в борьбе против партизан выдавали немецкий паек первой категории. Помимо пайка они получали табак, водку и сладости. Родственники полицейских освобождались от всех общественных работ, реквизиций, налогов, а главное — от насильственной отправки в Германию. Зарплата составляла от 20 до 600 рублей в месяц в зависимости от места службы и выполняемых задач. Например, охранник арестантской, помещения управления и ответственный за противопожарную охрану в Меженском районе получал 350 рублей в месяц. Зарплата начальника областного отдела полиции могла достигать 800 рублей в месяц [12, л. 24–26]. Житель Ленинградской области В.Ф. Федоров вспоминал: «Стали привлекать к работе в полиции молодежь, предоставляя за это льготы: 1 гектар не облагаемой налогом земли, разрешали использовать велосипеды, лыжи, ездить верхом, иметь личное оружие. И именно из-за этих льгот очень многие и погорели» [13, с. 328].

Особую роль играли присягнувшие немцам священнослужители. По замыслу нацистов, священники должны были вести контрразведывательную деятельность, выяснять настроения населения, их отношение к немцам и их политике, заниматься пропагандистской деятельностью. На деле эти ожидания не оправдались.

Для руководства церковью на оккупированных территориях Ленинградской области немцами была создана «Православная миссия», управление которой находилось в Пскове. В своих циркулярах «Православная миссия» требовала от священнослужителей выполнения поставленных немцами задач. Например, в циркуляре от марта 1943 г. было указано: «Предписуется нам, согласно распоряжения соответствующих учреждений германской власти, не реже чем раз в месяц доставлять в управление миссии подробный отчет о положении в наших приходах: о настроениях населения, о деятельности городских,

волостных и сельских учреждений, о вашей приходско-духовной деятельности» [3, с. 426]. Отдельные священники произносили анти-советские проповеди, в которых оправдывали нападение Германии на СССР, восхваляли Гитлера и Вермахт [3, с. 423, 424].

Свидетели нацистской оккупации на территории Ленинградской области в своих интервью и воспоминаниях ошибочно называют всех коллаборантов «власовцами» по имени печально известного коллаборанта А.А. Власова, вне зависимости от того, был ли тот или иной коллаборант связан с Русской освободительной армией.

Власовцы действительно присутствовали на территории Ленинградской области. Сам Власов совершил пропагандистскую поездку по ряду оккупированных территорий Ленинградской области. В воспоминаниях и интервью свидетелей оккупации можно увидеть, что «власовцы» (еще раз необходимо подчеркнуть, что эти коллаборанты могли не иметь никакого отношения к А.А. Власову) были более жестокими к своим соотечественникам, чем немцы.

Фраза «власовцы были хуже немцев» встречается в воспоминаниях жительниц Борщево Л.И. Задубиной и А.Н. Петровой. Анна Николаевна вспоминала: «А власовцы здесь мало были. Эти хулиганили. Насиловали девушек. Один, помню, к Любе приставал и даже оружием угрожал, стрелял — так что потолок и в коридоре и в доме был у нас прострелен. Власовцы, конечно, были намного хуже немцев» [14, с. 284]. Жительница Волосовского района Л.Н. Лебедева, описывая пребывание «власовцев» в ее деревне, сказала: «И не так издевались немцы, как издевались свои» [13, с. 62].

В заключение можно отметить, что Ленинградская область находилась под немецкой оккупацией дольше большинства других территорий СССР. За это время на данных территориях региона немцам удалось построить жестокий оккупационный режим, в том числе имевший опору за счет коллаборационизма местных жителей.

Переход на службу к немцам имел несколько причин. Во-первых, часть населения имела идеологические и политические мотивы. Этими людьми двигало желание мести советской власти за репрессии, коллективизацию, антирелигиозную политику. Данная категория коллаборантов видела в немцах освободителей от большевиков. Во-вторых, люди шли на сотрудничество с оккупантами из-за корыстных мотивов, желания разбогатеть, насладиться полученной властью.

Коллаборанты занимали разные должности на службе у немцев: старосты и бургомистры, переводчики, иные сотрудники немецкой администрации, например секретари. Из числа коллаборантов формировались силовые структуры: агентура, полиция, карательные отряды.

Стремление выслужиться перед немцами, жажда наживы, ненависть к советской власти и своим соотечественникам обуславливали

то жестокое отношение, которое испытывали коллаборанты к жителям оккупированных территорий Ленинградской области. Многие современники оккупации отмечали, что коллаборанты из числа местного населения довольно часто были гораздо более жестокими, чем сами немцы.

Коллаборационизм на оккупированных территориях Ленинградской области, как и весь период немецкой оккупации, является трагическим временем в истории региона. Архивные материалы и интервью с еще живыми свидетелями оккупации позволяют углубить знания об этом предмете с целью сохранения исторической памяти о жестокостях нацистов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ковалев Б.Н. *Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944*. Москва, АСТ, 2004, 547 с.
- [2] Ковалев Б.Н. *Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации*. Москва, Молодая гвардия, 2011, 619 с.
- [3] Ломагин Н.А. *Неизвестная блокада*. Санкт-Петербург, Нева, 2002, 960 с.
- [4] *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга*. Приказы, распоряжения, инструкции Волосовской райкомендатуры по административным и хозяйственным вопросам, ф. Р-3355 (Документы немецких оккупационных властей, действовавших на временно оккупированной территории Ленинградской области, архивная коллекция. Ленинград. 1939–1947), оп. 1, д. 26А.
- [5] Иванова И.А., сост. *За блокадным кольцом. Сборник воспоминаний жителей Ленинградской области времен германской оккупации 1941–1944*. Санкт-Петербург, Вести, 2010, 640 с.
- [6] Александров К.М., сост. *Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы*. Санкт-Петербург, Скрипториум, 2011, 602 с.
- [7] Филиппов Б.А. *Избранное*. London, Overseas Publications Interchange Limited, 1984, 400 p.
- [8] Абрамов М.Г. *На земле опаленной: Страницы из дневников партизана*. Ленинград, Лениздат, 1968, 352 с.
- [9] Будницкий О.В., сост. *«Свершилось. Пришли немцы!» Идеинный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны*. Москва, РОССПЭН, 2012, 324 с.
- [10] Воробьев Д.А., Ковалев Б.Н. Староста в оккупационной администрации Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. *Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого*, 2020, № 2, с. 1–4.
- [11] Красноцветова С.Е., сост. *Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны: сборник архивных документов. 1941–1944 гг.* Санкт-Петербург, Аврора, 2015, 288 с.
- [12] *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга*. Приказы по личному составу Управления Меженского района. Автобиографии сотрудников, ф. Р-3355 (Документы немецких оккупационных властей, действовавших на временно оккупированной территории Ленинградской области, архивная коллекция. Ленинград. 1939–1947), оп. 4, д. 76.

- [13] Виноградов А.В., Плейжер А., Смирнов А.В., сост. *Оккупация юго-запада Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны (воспоминания очевидцев)*. Санкт-Петербург, Лема, 2011, 364 с.
- [14] Виноградов А.В., Плейжер А. сост. *Битва за Ленинград в судьбах жителей города и области (воспоминания защитников и жителей города и оккупированных территорий)*. Санкт-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005, 374 с.

Статья поступила в редакцию 16.03.2026

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Банников В.Н. Коллаборационизм на оккупированных территориях Ленинградской области в 1941–1944 гг. *Гуманитарный вестник*, 2026, вып. 3.
EDN LBPUKD

Банников Владислав Николаевич — аспирант департамента истории Московского городского педагогического университета. e-mail: bannikovvn408@mgpu.ru

Collaborationism in the Occupied Territories of the Leningrad Region in 1941–1944

© V.N. Bannikov

Moscow City University, Moscow, 129226, Russia

Current issues related to collaboration between the population of the occupied territories of the Leningrad Region and the Germans in 1941–1944 were examined. Administrative records (documents of the German occupation authorities and acts of district commissions established for identifying and investigating the atrocities committed by the German fascist invaders), as well as personal sources (diaries, memoirs, and interviews with witnesses of the German occupation), were studied. The works of historians B.N. Kovalev and N.S. Lomagin who investigated the problems addressed in this article were analyzed. The research methodology is based on the principles of historicism and objectivity. By means of the descriptive-narrative method, the cause-and-effect relationships underlying the behavior of residents of the occupied territories of the Leningrad Region and their entry into German service were identified. Through the principle of systematicity, the available material was generalized and a comprehensive picture of collaborationism among the population of the occupied territories of the Leningrad Region in 1941–1944 was presented. The publication is dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War and may be used in activities related to preserving historical memory of one of the most tragic and significant events in the history of the country.

Ключевые слова: Great Patriotic War, occupation of the Leningrad Region, collaborationism, “Vlasovites”

REFERENCES

- [1] Kovalev B.N. *Natsistskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii, 1941–1944* [Nazi occupation and collaborationism in Russia, 1941–1944]. Moscow, AST Publ., 2004, 547 p.
- [2] Kovalev B.N. *Povsednevnyaya zhizn naseleniya Rossii v period natsistskoy okkupatsii* [Everyday life of the population of Russia during the Nazi occupation]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2011, 619 p.
- [3] Lomagin N.A. *Neizvestnaya blokada* [The unknown blockade]. Saint Petersburg, Neva Publ., 2002, 960 p.
- [4] *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. *Prikazy, rasporyazheniya, instruktsii Volosovskoy raykomendantury po administrativnym i khozyaystvennym voprosam* [Orders, directives, and instructions of the Volosovo district commandant's office on administrative and economic matters]. F. R-3355 (Dokumenty nemetskikh okkupatsionnykh vlastey, deystvovavshikh na vremennno okkupirovannoy territorii Leningradskoy oblasti, arkhivnaya kollektsiya. Leningrad. 1939–1947 [(Documents of the German occupation authorities operating in the temporarily occupied territory of the Leningrad Region, archival collection. Leningrad. 1939–1947)], op. 1, d. 26A.
- [5] Ivanova I.A., comp. *Za blokadnym kol'tsom. Sbornik vospominaniy zhitel'ey Leningradskoy oblasti vremen germanskoy okkupatsii 1941–1944* [Beyond the

- blockade ring. Collection of memoirs of the inhabitants of the Leningrad Region during the German occupation, 1941–1944]. Saint Petersburg, Vesti Publ., 2010, 640 p.
- [6] Aleksandrov K.M., comp. *Pod nemtsami. Vospominaniya, svidetelstva, dokumenty* [Under the Germans. Memoirs, testimonies, documents]. Saint Petersburg, Skriptorium Publ., 2011, 602 p.
- [7] Filippov B.A. *Izbrannoe* [Selected works]. London, Overseas Publications Interchange Limited, 1984, 400 p.
- [8] Abramov M.G. *Na zemle opalennoy: stranitsy iz dnevnikov partizana* [On the scorched earth: pages from the diaries of a partisan]. Leningrad, Lenizdat, 1968, 352 p.
- [9] Budnitsky O.V., comp. “Svershilos’. Prishli nemtsy!” *Ideyny kollaboratsionizm v SSSR v period Velikoy Otechestvennoy voyny* [“It has happened. The Germans have come!” Ideological collaborationism in the USSR during the Great Patriotic War]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, 324 p.
- [10] Vorobyev D.A., Kovalev B.N. *Starosta v okkupatsionnoy administratsii Leningradskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The village elder in the occupation administration of the Leningrad Region during the Great Patriotic War]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*, 2020, no. 2, pp. 1–4.
- [11] Krasnotsvetova S.E., comp. *Leningradskaya oblast v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sbornik arkhivnykh dokumentov. 1941–1944 gg.* [Leningrad Region during the Great Patriotic War: collection of archival documents, 1941–1944]. Saint Petersburg, Avrora Publ., 2015, 288 p.
- [12] *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. *Prikazy po lichnomu sostavu Upravleniya Mezhevskogo rayona. Avtobiografii sotrudnikov* [Personnel orders of the Mezhevsky District Administration. Autobiographies of employees]. F. R-3355 (Dokumenty nemetskikh okkupatsionnykh vlastey, deystvovavshikh na vremennno okkupirovannoy territorii Leningradskoy oblasti, arkhivnaya kolleksiya. Leningrad. 1939–1947) [(Documents of the German occupation authorities operating in the temporarily occupied territory of the Leningrad Region, archival collection. Leningrad. 1939–1947)], op. 4, d. 76.
- [13] Vinogradov A.V., Pleizher A., Smirnov A.V., comp. *Okkupatsiya yugo-zapada Leningradskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (vospominaniya ochevidtsev)* [Occupation of the South-West of the Leningrad Region during the Great Patriotic War (Eyewitness Memoirs)]. Saint Petersburg, Lema Publ., 2011, 364 p.
- [14] Vinogradov A.V., Pleizher A., comp. *Bitva za Leningrad v sudbakh zhiteley goroda i oblasti (vospominaniya zaschitnikov i zhiteley goroda i okkupirovannykh territoriy)* [The battle of Leningrad in the lives of the city and region residents (Memoirs of defenders and residents of the city and occupied territories)]. Saint Petersburg, SPbU Publ., 2005, 374 p.

Bannikov V.N., Postgraduate Student, Department of History, Moscow City University.
e-mail: bannikovvn408@mgpu.ru